

ЗЕЛЕНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ АРАВИИ

П. ДЕМЧЕНКО

ЗАМЕТКИ ЖУРНАЛИСТА

В ПОИСКАХ КЕДРА

азвесистый ливанский кедр стал национальной эмблемой страны. Его изображение можно увидеть повсюду — на флаге, в петлицах чиновников и полицейских, на кокардах офицеров и генералов. На хвостовом оперении самолета, который доставил нас в Бейрут, тоже был нарисован зеленый кедр. Но это как раз тот случай, когда применимы слова Козьмы Пруtkова: «Не верь глазам своим». «Мидл Ист айрлайнз» — всего лишь дочерняя компания английской ВОАС. Другая ливанская авиакомпания «Эр Либан» — филиал французской «Эр Франс».

Найти настоящий ливанский кедр не так-то просто. Даже здесь, на своей родине, он стал музейной редкостью. Еще в древности финикийцы знали о его замечательных свойствах: суда из кедровой древесины отличались долголетием — их не могла одолеть разрушительная сила морских волн; мебель славилась прочностью и красотой. Кедровые леса постепенно вырубали. До наших дней дошло считанное число деревьев. Сохранилась лишь одна небольшая рощица высоко в горах около местечка Бешара.

...Матово-черная полоса шоссе бежала вдоль моря на север. Совсем рядом поблескивали рельсы узкоколейки. С гор к самой дороге спускались виноградные плантации, сады цитрусовых, бананов, оливковые рощи. Километров через десять мы свернули с основного шоссе направо. Трудно было удержаться от искушения посетить грот Джейта, о котором много пишут сейчас в Ливане.

Машина взбиралась выше и выше. Ущелье, по откосу которого вилась дорога, становилось все теснее; наконец его склоны сомкнулись. Из-под отвесной скалы вытекал прозрачный поток. Человек уже подчинил его себе: вода попадает в отстойники, а затем в трубы бейрутского водопровода.

С другой стороны скалы зияла дыра — вход в пещеру. Рассказывают, что ее случайно открыл один иностранец, который охотился в этих местах. Открытие не придали значения. Спустя много лет группа любителей удалось проникнуть внутрь грота: трудность заключалась в том, что это можно было сделать только по воде, а она стояла высоко, и лодка не могла пройти под сводами расщелины. Позже прорубили боковой вход, и года два назад грот открыли для экскурсантов.

Сначала словно бы и жалко было уходить от такого яркого солнца, веселой зелени горных сосен и хрустального воздуха, забираться под землю через узкий проход по скользким сырým ступеням из бе-

тона. Но через минуту это чувство сменилось восторженным изумлением. Казалось, что я попал в какое-то неведомое царство красоты, перед которым меркнет любой фильм о сказочных странах, поставленный с применением всех современных «киночудес».

Тупоносая лодка скользила по прозрачной глади подземной реки. Порою она въезжала в огромный зал высотой в десять-пятнадцать метров, порою приходилось наклонять голову, чтобы не удариться о каменный свод. А справа и слева громоздились

Бейрут. Уличный торговец.

Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня», № 5 за 1961 год.

причудливые буддийские храмы, стройные минареты, мохнатые кипарисы. С потолка свешивался каскад каменных сосулек: одни напоминали широкопалые листья бананов, другие — острые кинжалы, третьи — змей. Вдруг промелькнула наклонная башня точь-в-точь, как в Пизе. В одном месте на высокой скале стоял медведь, на другой — орел, расправив могучие крылья, готовился взмыть в воздух.

Трудно перечислить все эти чудеса, созданные природой за многие тысячелетия, — сталактитов и сталагмитов в гроте несколько тысяч. Они разных цветов и оттенков — от нежно-розовых до темно-бурых — и разных размеров — от нескольких сантиметров до шести-семи метров; те, что подалеже от входа, серебрятся искорками инея. Эффект усиливается умело сделанной подсветкой.

Исследователи проникли в глубь горы более чем на шесть километров; лодке доступна десятая часть пути, но и этого достаточно, чтобы оставить незабываемое впечатление.

Машина возвратилась на главную дорогу и помчалась на север. Минут через двадцать показался город Джубейль. Так называется теперь древний Библос. Историки считают его одним из самых старых городов на земле. В IV тысячелетии до нашей эры, когда будущие финикийские столицы Тир и Сидон были еще маленькими рыбацкими поселками, Библос считался крупнейшим торговым центром Передней Азии. Город увековечил свое имя, дав его Библии — священной книге христиан.

Руины храмов, дворцов, старого порта Библоса влекут к себе тысячи туристов. Хорошо сохранились цитадель и римский амфитеатр. Саркофаги библосских царей, работы египетских, римских и греческих ваятелей хранятся теперь в Национальном музее в Бейруте вместе с образцами древней утвари, оружием финикийских воинов, женскими украшениями. Но многого время не донесло до наших дней: известно, например, что старый город был разрушен большим землетрясением.

Отдав дань истории, которая в этой стране всегда идет рядом с вами, мы снова двинулись в путь и вскоре достигли Триполи. Это второй по значению город Ливана, промышленный центр и порт с населением около 100 тысяч человек. Чуть севернее города выходит к морю нефтепровод, по которому международная компания «Ирак петролеум» перекачивает из Ирака киркукскую нефть. Часть нефти перерабатывается на заводе, принадлежащем той же компании, часть на танкерах вывозится в Европу. На территории Ливана чуть южнее Сайды (Сидона) заканчивается еще один нефтепровод — американский, который тянется сюда из Саудовской Аравии.

Триполи расположен на двух холмах, амфитеатром. Порт несколько в стороне. По размерам он значительно уступает бейрутскому. Но здесь находится единственная в Ливане судостроительная верфь. С ее стапелей спущены два первых грузовых теплохода отечественного производства. Есть в городе другие промышленные предприятия — мыловаренный завод, маслобойня, консервная фабрика.

Нас пригласили в пункт упаковки фруктов, которые идут на экспорт, в частности в Советский Союз. В просторных сараях работали деревенские девочки лет 14—16. Быстрыми движениями они завертывали яблоки в бумажки и укладывали их в ящики ровными рядами. Работали, как автоматы, по восемь-десять часов в день, получая максимум лиру.

Из Триполи дорога опять пошла в гору. После приморской духоты дышалось легко и свежесть была приятна, но потом стало совсем прохладно. Вы-

сота — две тысячи метров. Вот здесь-то и доживают свой век старые кедры. Их около 400. Деревья не так уж высоки — максимум 25—26 метров, — но очень величественные, могучие. Чувствуется, что они крепко вросли в землю.

Самым молодым кедром по 200 лет. Есть 700- и 800-летние. Считают, что 12 деревьям перевалило за тысячу. Многие видели эти суровые исполины. Их жгли кострами турецкие янычары, французы расстреливали под ними ливанских патриотов, здесь отдыхали партизаны, поднявшиеся на борьбу против американского вмешательства. Они — сама история. Они выстояли в борьбе с природой, как народ в битве с врагами. Есть глубокий смысл в том, что крепкий, кряжистый кедр изображен на ливанском флаге.

ПУШКИ НА РЕЙДЕ

Несколько раз мне приходилось видеть в бейрутском порту американские военные корабли.

Рослые парни в белых шапочках, напоминающих поварские колпаки, высыпают на улицы города, разбредаются по барам и кабаре. Одни начинают сбывать по дешевке сигареты и табак, другие спрашивают, как ближе пройти к публичному дому. (Увы, они есть в Бейруте!) К полуночи флотские «Студебеккеры», спущенные на берег, собирают по городу подвыпивших «америкэн неви». Иных до машин тащат волоком и, словно мешки, забрасывают в кузов.

В марте 1960 года в Бейрут пожаловали главные силы 6-го американского флота, который, словно бездомный пес, рыщет по портам Средиземного моря. Флагманский крейсер «Де Мойн», несколько миноносцев и подводных лодок стали у причалов. Авианосец «Форрестол» водоизмещением в 60 тысяч тонн бросил якоря на внешнем рейде.

Командующий 6-м флотом адмирал Андерсон устроил пресс-конференцию, на которой заявил, что корабли пришли в Ливан, чтобы дать возможность матросам и офицерам «поразвлечься и отдохнуть». Мало кто поверил его словам. Ливанцы с тревогой смотрели на бронированные башни, выставленные напоказ реактивные самолеты, шныряющие взад и вперед торпедные катера, понимая, что это не сулит ничего хорошего ни им, ни их родине.

Ряд газет обратил внимание на то, что визит совпал с началом избирательной кампании. Американцы хотели бы поддержать своих друзей в Ливане, оказать давление на партии и группы, придерживающиеся антиимпериалистической ориентации.

Газета «Бейрут аль-Маса» напомнила о событиях недавнего прошлого. «6-й флот, — писала она, — вызывает у каждого ливанца весьма дурные воспоминания, потому что именно он вторгся в Ливан для подавления освободительного движения. Он символ преступления, совершенного США против Ливана».

Вспомним и мы об этих событиях.

Бывшему президенту Ливана Камиллю Шамуну и его министру иностранных дел Шарлю Малику традиционная политика нейтралитета, которой следовала страна, была явно не по душе. Союз с империалистическими силами Запада казался куда более заманчивой перспективой. Едва на свет божий появилась «доктрина Эйзенхауэра», как Малик поспешил высказаться о ней одобрительно. Вскоре вопрос о присоединении к «доктрине» поставили на обсуждение парламента.

И тут на арене появился 6-й американский флот,

Не надеясь на удачу в честной игре, американское правительство решило использовать дипломатию канонеров, политику кулака.

Ранним апрельским утром 1957 года, когда ливанский парламент должен был высказать свое мнение о «доктрине Эйзенхауэра», на бейрутском рейде неожиданно появился авианосец «Форрестол». С его палубы поднялись в воздух два десятка реактивных самолетов. С пронзительным воем пронеслись они над крышами домов, наводя страх на людей. Министры и депутаты были приглашены на борт авианосца и прямо оттуда направились на решающее заседание.

«Доктрина» получила одобрение в парламенте. Но это была пиррова победа: несколько депутатов в знак протеста отказались от своих мандатов, газеты вышли с аншлагами через всю первую полосу: «Парламент говорит «да», народ говорит «нет!» Вскоре начались демонстрации протеста.

В редакции газеты «Телеграф» я познакомился в те дни с ее директором и владельцем Насибом Метни. Невысокого роста, пожилой, энергичный человек, он излагал свои взгляды со страстной убежденностью:

— Американцы сжимают нас тисками, вмешиваются в наши дела, пытаются вести себя как дома. Они олираются на людей, которые не имеют ничего общего с народом, с национальными интересами страны...

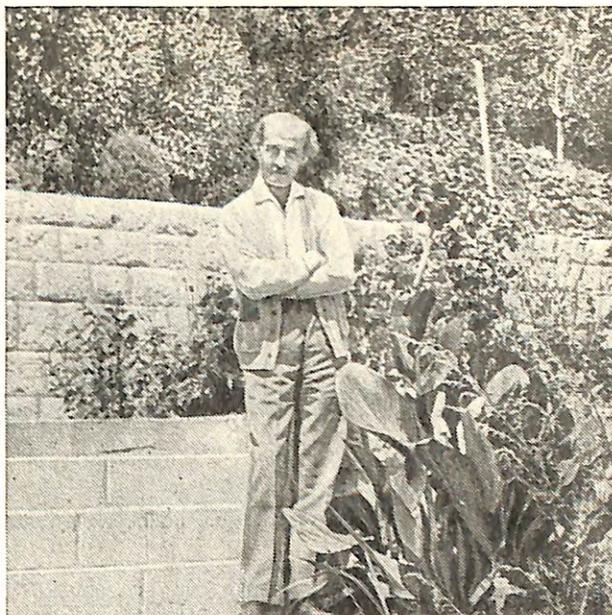
Я расскажу вам старую легенду, — продолжал он. — В течение многих лет близ Бейрута жил страшный дракон. Он убивал мужчин, похищал детей, насылал на страну ветры, которые рвали паруса и топили рыбацьи лодки. Наконец нашелся смельчак, который убил дракона и спас людей от страданий. Это был святой Георгий, которого мы до сих пор считаем покровителем нашего города. С американским драконом мы справимся сами, не будем ждать избавления от святого.

А потом как бы между прочим Метни рассказал, что получил анонимное письмо с предупреждением, что будет убит, если не изменит своих взглядов.

Предательский выстрел раздался 7 мая 1958 года. Метни погиб, но его смерть послужила сигналом к массовым народным выступлениям, которые переросли в вооруженную борьбу против прозападного правительства и американского вмешательства. Конфессионализм затрещал по всем швам. Мусульмане, христиане, друзы в едином строю отстаивали независимость родины. Империалистические круги США начали интервенцию против Ливана. Южнее Бейрута высадился морской десант с танками, броневиками, артиллерией. Оккупанты захватили порт и аэродром Хальде. Но это не спасло положения. К. Шамун и его присные были сметены. Новое правительство заявило об отказе от «доктрины Эйзенхауэра». Избранный на пост президента генерал Фуад Шехаб провозгласил верность принципам нейтралитета. По требованию миролюбивых сил США были вынуждены вывести свои войска из Ливана.

Но, видимо, слишком лакомым кусочком считают империалисты эту страну, чтобы оставить ее в покое. Прошло немного времени, и американские военные корабли снова зачастили в ее территориальные воды, военные самолеты стали пользоваться ее аэродромами. О том, что думают ливанцы по этому поводу, красноречиво говорит письмо большой группы жителей Триполи, опубликованное в печати:

«Повторяющиеся визиты кораблей 6-го флота коренным образом расходятся с желаниями наше-

Михаил Нуайме в своем саду.

го народа... Мы призываем ответственных лиц запретить эти визиты, с тем чтобы Ливан оставался мирной, независимой, нейтральной страной».

МИХАИЛ НУАЙМЕ

В замечательной книге академика И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями» есть глава, которая называется «Полтавский семинарист». Она рассказывает об одном ливанце, который, окончив на родине школу, был направлен для завершения учебы в Полтаву. Здесь он увлекся русской литературой, делал переводы на арабский, а достигнув зрелого возраста, навсегда избрал путь литератора. Это был Михаил Нуайме.

Возвращаясь в Бейрут, я решил заехать в деревню Баскинта, где живет Нуайме. Книги писателя давно перешагнули границы арабского мира, изданы на русском, английском, испанском, голландском языках. В Ливане он широко известный и уважаемый человек. Его называют патриархом ливанской литературы.

Высоко над уровнем моря, у подножия горы Саннин, расположилась Баскинта. Шесть месяцев в году там лежит снег, но и летом по ночам бывает настолько холодно, что надо укрываться одеялом. Домики из белого камня под красной черепицей, окруженные садами и цветниками, имеют нарядный, привлекательный вид. В одном из них и работает старей писатель.

В гостиной диванчик, несколько кресел и столиков, ковер на полу, большой шкаф с книгами. Среди изданий на многих языках мира — «Тихий Дон» и «Судьба человека» М. Шолохова, томик Маяковского, комплект журнала «Новый мир». А на стене копия картины Шишкина «Утро в сосновом бору».

(Окончание см. на стр. 34)